

Пост-нормальная научная ситуация: как ее использовать политологу

Научный руководитель – Якубин Алексей Леонидович

Якубин Алексей Леонидович

Кандидат наук

Национальный технический университет Украины КПИ, Факультет социологии и права,
Киев, Украина

E-mail: randaltor@ukr.net

Есть ли что-то общее между книгопечатанием, и доступом к Интернету с точки зрения возможностей оперированием знаниями? Да, это радикальная демократизация такого доступа, его упрощение, привлечение новых социальных классов к этому процессу. Печатный пресс открыл возможности тем, кто умел читать из вне клерикальных кругов. Он показал, что то, о чем католическая церковь из всех амвонов говорит о вероучении, часто абсолютно отличается от того, о чем шла речь в самом тексте Библии.

Это породило кризис церковного авторитета и переориентировало поиск его источников на собственный опыт и понимание. В конечном итоге, это породило Реформацию, с ее войнами за интерпретацию, потом веротерпимостью, а ее более поздними последствиями стало возникновение фундаментов научного мировосприятия и возникновения самой науки, как отдельного социального института. Именно она теперь переняла роль главного авторитета во всех вопросах. И за эти столетия приобрела феноменальный успех.

Преобразование природы и общества стали наглядными по всему свету - это идея о равенстве всех людей, теория эволюции, французская Декларация прав человека и гражданина, представления об относительности времени и пространства, американская Конституция, расщепление атома, Манифест коммунистической партии, увеличения урожайности традиционных аграрных культур, Декларация прав человека ООН, победа многих болезней, понимания сути колониализма, новые материалы, которых не существовало в природе, персональный компьютер...

Современность стала восприниматься, как научная по определению. Теперь мы по научному не только можем мыслить о природе Вселенной или обществе, нашем происхождении, как вида, но и требуем от нее конкретных жизненных наставлений - как воспитывать детей, что нам надо есть, чтобы быть здоровыми, какой график жизни вести. Наука, этот социальный институт, вместе со своими адептами - учеными, которые превратились в экспертов, заменила Церковь в вопросах получения проверенного и достоверного знания.

Политики начали оперировать ссылкой на научный авторитет - оправдывая свою экономическую, социальную или экологическую политику. Но сейчас все очевиднее становятся противоречия, которые лежат в самом сердце современного проекта Науки.

На уровне знания. Это с одной стороны стремления к закрытости, герменевтике знания, знания, которое понимают лишь "избранные" и именно поэтому, они претендуют на власть. Такой декартовский подход с квантификацией, цифрами, графикой, огромными базами данных, потребностью в узкой специализации для которой нужны годы учебы, он таинственен для большинства, даже для коллег из смежных направлений. Эта ситуация даже получила метафорическое название "Затемнение" в противовес Просветительству.

И с другой, стремление к эгалитарности, открытости знаний для каждого - "наука людей, волей людей и для людей" (перефразированная известная цитата Линкольна) - от французской Энциклопедии в современной Википедии, Sci - hub. Интернет здесь появился, как новый "печатный пресс" относительно дореформационного знания.

На уровне институционального функционирования - политическое, экономически-финансовое - коррупционное влияние на науку стало все более явным и ощутимым со стороны заинтересованных групп, больших корпораций.

Большинству исследователям науки из прошлого даже в голову не приходили те проблемы с которыми мы сталкиваемся ежедневно - ошибки, сфальсифицированные данные, манипулирование статистикой, хотя Томас Гоббс в свое время даже относительно геометрии пророческое намекал, что если бы чьи-то интересы были завязаны на том, что треугольник - состоит из трех одинаковых сторон, то и здесь бы мы видели жаркие споры.

Во времена, когда Джером Равецц начинал свои исследования науки и ее социально-политических последствий, в 60-х годах XX века, вопрос о социальной природе науки, о влиянии социальных факторов на ее развитие и ученых был не в почете на Западе. Тогда доминировала интерналистская точка зрения - что наука это продукт ума отдельных ученых, их интеллектуальных усилий, кои свободны от своего социального происхождения или влияний разных внешних культурных, политических или религиозных факторов.

Знание является чистым от всей этой социальности и политичности, и является ценным и универсальным само по себе. Тогда похожую точку зрения отстаивал тогда авторитетный Александр Койре, французский исследователь науки русского происхождения.

Противоположная точка зрения объявлялась редукционизмом, или просто "вульгарным марксизмом" с его бухаринской теорией о двух науках - буржуазной и пролетарской.

Но уже в конце 60-х такой подход к исследованиям научного знания на Западе уже не казались убедительными - война США в Вьетнаме и привлеченная в эти процессы ученых, инженеров, первые последствия влияния использования гербицидов на экологию и здоровье, информация о Лысенко и его влиял на развитие аграрного хозяйства и генетики в СССР - уже не оставляли возможность игнорировать значительное влияние социальных, политических, идеологических факторов для науки, как социального института, и как типа знание.

Оно с тех пор начало восприниматься все чаще, как динамический баланс между внутренними и внешними (социальными) факторами, которые в каждом отдельном случае нужно по новому пересматривать.

Определенную роль в изменении этих представлений о науке повлекло развитие нового подхода к ее функционированию в пределах исследовательского направления "Наука, технологии и общество", который постепенно распространился в части западных стран и в своей основе базировался на марксистском подходе относительно целостности естественного и социального, коллективного и индивидуального, но без чрезмерных упрощений. Протоисток этого подхода была доклад советского физика Бориса Гессена в 1931 году в Лондоне относительно социально-экономического корня механики Исаака Ньютона.

В Украине это направление сейчас реализуется в пределах магистерской социологической программы в КПИ имени Игоря Сикорского "Социология модернизации и научно-технического развития".

Одним из пионеров этого направления на Западе и был Равецц. Исследуя современное для Запада функционирование науки - он показал глубокую идейно-социальную деформацию в ее развитии относительно нейтральности знания и злоупотребления ее авторитетом политиками, большим бизнесом в своих интересах. Естественные науки стали крайне зависимы от тех, кто их финансирует и предоставляет ресурсы в своих выводах относительно социальных последствий тех продуктов, какие они создают.

Научные открытия в области медицины, биологии, физики, химии все чаще не ста-

новятся известными общественности, а попадают под защиту авторских прав и прячутся "до лучших времен", если это не может принести мгновенную финансовую прибыль или вредит действующим схемам получения прибыли. Раветц приводит следующий пример из фармакологии. Вместо того, чтобы финансировать исследование из профилактики тех или тех заболеваний, большие кампании вкладывают средства в производство и разработку все новых и новых лекарств от этих болезней.

Это же приносит большую прибыль, а профилактика ничего не приносит. Социальные науки, в результате меньшей квантификации и большей дискуссии относительно свои предпосылок оказались к этим процессам лучше подготовлены, но и они крепко попали в сложную коррупционную связь с властным истеблишментом в оправдании его привилегий и практик.

Наиболее крепко в этом процессе деформировалась экономика - которая, как показал финансовый кризис 2008 года, оказалась в своей неолиберальной и монетариской основе ничем другим, чем "квантифицированной идеологией", которая маскировала интересы правящих групп и оправдывала политику социальных сокращений, дерегуляции и социального неравенства. И это под солидными лозунгами "научности", "экспертности" и "безальтернативности".

Это определенный диагноз, но есть и попытка выхода. Раветц не предлагает луддистский выход из этой ситуации, разрушить или покинуть науку, закрыть академию наук или университеты, сократить всех ученых или инженеров, забросить рациональность, или научный подход к решению проблем. Ведь наука уже довела свою необходимость и сверхполезность. Напротив, он предлагает больше науки для спасения Науки. Радикальную демократизацию науки - "науку граждан" или пост-нормальную науку.

Здесь интернет, по его мнению, является чудесным инструментом с его возможностью получения знаний, открытостью и увеличением "научной грамотности" каждого. Способом освободить науку от коррумпированного использования ее авторитета политиками и бизнесом. О чем же идет речь?

Раветц предлагает так называемый "радужный квадрат" для разграничения научных вопросов, которые должны исследовать лишь академические ученые (то есть ученые и исследователи в традиционном понимании, как сотрудники университетов, академических учреждений, лабораторий, научно-конструкторских бюро), то есть их сфера компетенции, и те вопросы, которые должны быть исследованы при участии тех, на кого потом будут направлены прямые следствия такого изобретения или политики.

То есть на те группы граждан или на всех граждан на которых в дальнейшем будет распространена определенная политика.

Ситуация пост-нормальной науки возникает тогда когда "факты неточны, ценности противоречивые, ставки высокие, а решение надо принимать срочно". Обычно нормальная наука работала иначе - собирался комитет ученых, экспертов по определенной проблеме и имел достаточно время для того, чтобы проработать проблему из всех сторон, со всеми вариантами решения. Но коррупция науки бизнесом и политикой изменило эту процедуру - теперь от экспертов требуют быстрого и одномерного решения, без учета социальной цены такого решения в будущем.

Но можно ли когда речь идет о нашей современной и будущей жизни оставлять науку, только академическим ученым, оставлять "нормальную науку" (в понимании Томаса Куна) в одиночестве? Очевидно, что нет. Именно поэтому нужна пост-нормальная наука, как открытая наука.

Например, при возникновении среди правительственных чиновников инициативы относительно финансовых сокращений бюджетных расходов за счет количества получателей студенческих стипендий, при пост-нормальном научном подходе, здесь недостаточно лишь

"экономически обоснованного подхода": "экспертного вывода относительно того, что стипендии - это же на несколько раз гульнут", "авторитетной международной организации - а так во всем мире", "лидеров мыслей - а я не жил на стипендию" или "представителей сообщества - стипендии только для наилучших" в выработке такой политики, нужно спросить у всех граждан - соглашаются ли они на такие сокращения.

То есть проведение своеобразного открытого плебисцита - ведь это касается всех граждан и они здесь является субъектом и объектом. И они в этих вопросах действительно могут знать больше, чем эксперты. Ведь они живут с этим, на них влияет эта ситуация, и их "повседневное знание" здесь важно. Это расширение сообществ участников выработки решений.

Поэтому ситуация пост-нормальной науки часто сочетает с тем, что в социальных науках носит общее название "злостные проблемы" - ситуации когда одно решение приводит к возникновению следующих проблем, без решения основной, и теперь для них надо искать свои решения. В США к таким примерам относят печально известную политику "джентрификации" в городах, которая лишь углубила существующие там проблемы социального неравенства и конфликта.

Это делает решение таких проблем невозможным без привлечения тех на кого будет распространена эта политика с окончательным словом относительно нее. В ракурсе пост-нормального научного сценария Раветц приводит пример дебатов обеспокоенных крестьян и аграрной корпорации Монсанто. И те и другие в своих дебатах относительно использования пестицидов будут апеллировать к научным результатам. И корпорация и крестьяне будут приводить свои аргументы и за и против.

Но крестьяне, как группа на которую будет направлена эта практика, которые будут чувствовать непосредственно на себе ее результаты, здесь будет иметь окончательное и решающее слово.

Конечно, пост-нормальная научная модель не является идеальной панацеей от всех проблем, которые возникают при разработке и принятии решений, но ее использование по крайней мере позволяет не попадать на "крючок" "научноподобных конструкций" при условии собственной "научной грамотности", различать ракурсы необходимых экспертиз и их пределов применения.

Понимать, что такие экспертизы также могут ошибаться, какими бы убедительными они не выглядели на первый взгляд, они являются ангажированными, всегда есть неопределенность, и они имеют социальную цену своей реализации, которая может быть чрезмерной.

И на конец, как это не парадоксально, но основные работы этого автора не переведены ни украинской, ни русской языками (есть лишь одна небольшая статья, и то это рецензия Раветца на книгу других авторов и недавно появился перевод украинским языком одной публикации этого автора, по инициативе автора этих тезисов, на сайте журнала "Спільне"). Хотя институционно Джером Раветц является небезызвестным западным исследователем науки, сотрудником Института науки, инноваций и общества Оксфордского университета.

Поэтому может и в этих процессах задействованы практики деформированной наука, а не открытой науки?